

нием», «ибо верьте, — говорит Радищев, — в касающемся до жизни и смерти, чувствование наше может быть безобманчивее разума» (II, 97).

Очевидно, что перед нами не кратковременный кризис духа, не сомнения, порожденные трагическими обстоятельствами, ожиданием приговора, мучительного пути, разлуки с «друзьями», но по-своему концептуальный ход: «Теперь возвратимся паки по протекшему пути и соберем все, что найти можем на подкрепление противного мнения и постараемся восстановить человечество в ту истинную лучезарность, для коей оно кажется быть создано» (II, 97). Речь идет, собственно, не о бессмертии души, как может показаться на первый взгляд; Радищев подходит здесь к иной и важнейшей для себя проблеме: «О истина! непреложный орган всевышнего! спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждение, и тебя да узрю» (II, 97). Истина — вот чего мучительно ищет мысль Радищева, ибо в «блистательности» и «прелестности», в соблазняющей убедительности посылок и следствий естественно-научного материализма она уже не находит достаточных оснований для воплощения всей концепции человеческого бытия, всей сложности диалектических противоречий познающего разума. Смерть и бессмертие в сознании Радищева — и закономерность природы, и в то же время протест всего человеческого естества против идеи конца, остановки движения, которое присуще всей материи.²⁵ Почему же человек оказывается исключенным из этого всеобщего движения материального мира? Так принцип движения и всеобщей связи приходил в противоречие с формулами механистического материализма. В эти формулы укладывались простые, элементарные «частички бытия». Радищевская же концепция человека с его разумом, которому оказывались тесны пределы Вселенной, не могла не прийти в столкновение с жестким детерминизмом просветительского материализма. В сознании Радищева рождалось новое понимание движения и всеобщей связи, всеобщей изменяемости мира: «...что может воспятить стремлению перемены? Кто может? Разве тот, кто дал природе силу, кто действие ей дал, движение и жизнь. <...> Катится время беспрерывно, усталости не знает, шлет грядущее во след протекшему, и все переменяющееся является нам в новый образ облеченно. О, мера течения, шествия премен в жизни! о, время! помедли, помедли на мгновение хотя едино! — — Се безрассудное желание многих, се желание внимающих гласу своих страстей и при-

²⁵ В настоящей статье не рассматривается вопрос об усвоении Радищевым философских идей И. Г. Гердера, так как эта проблема достаточно освещена в ряде специальных работ, см.: *Лапшин И. И.* Философские взгляды А. Н. Радищева. Пг., 1922; *Барсков Я. Л.* А. Н. Радищев — «Торжок». — В кн.: XVIII век, сб. 2. М.—Л., 1940, с. 54—59; *Bittner K. I. G.* Herder und A. N. Radiščev. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1956, Bd 25, Hf. 1, S. 8—53.